

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

А.А. Некрасов

**Англо-американская историография
новой экономической политики
в СССР**

Учебное пособие

*Рекомендовано
Научно-методическим советом университета
для студентов специальности История*

Ярославль 2005

УДК 93/94(47+57)
(075.8)
ББК Т3(2)613–2я73
Н 48

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2005 года*

Рецензенты:
ведущий научный сотрудник Государственного архива
Ярославской области, канд. ист. наук Н.В. Обнорская;
кафедра отечественной истории Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Н 48   **Некрасов, А.А.** Англо-американская историография новой экономической политики в СССР : учеб. пособие / А.А. Некрасов ; Ярослав. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2005. – 100 с.
ISBN 5-8397-0432-6

В учебном пособии рассматриваются основные проблемы западной, преимущественно англо-американской, историографии новой экономической политики в СССР. Уделяется внимание дискуссиям среди зарубежных историков разных поколений, придерживающихся различных политических взглядов, о хронологических рамках, сущности НЭПа, его историческом значении и взаимосвязи с другими периодами российской и советской истории. Сравниваются оценки НЭПа в зарубежной и отечественной историографии. Пособие подготовлено с привлечением материалов зарубежных архивов, большого количества советологических исследований, западной исторической периодики, а также российских и иностранных работ по историографии и методологии истории.

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальности 020700 История (дисциплина "Проблемы НЭПа в зарубежной историографии, блок ДС), очной и очно-заочной форм обучения.

ISBN 5-8397-0432-6

УДК 93/94(47+57)
(075.8)

ББК Т(2) 613–2я73

© Ярославский государственный
университет, 2005
© А.А. Некрасов, 2005

Введение

Многие проблемы советской истории в разное время вызывали бурные дискуссии в западной историографии, прежде всего, такие, как история русской революции 1917 года и вопрос о сущности советского политического режима, особенно сталинского периода. Другие, не менее важные вопросы зачастую оставались "в тени" этих крупномасштабных проблем, вызвавших к жизни тысячи томов исследований и неисчислимое множество статей в периодических изданиях. Однако полноценное изучение сталинизма в узких рамках, исходя исключительно из его "тоталитарной", неизменной, раз и навсегда определенной сущности, оказалось недостаточно плодотворным. Исторический подход требовал ответа на многочисленные вопросы о происхождении сталинского режима, экономических, социальных и культурных условиях его формирования. Все это побудило историков обратить внимание на проблемы новой экономической политики (НЭПа) в поисках либо корней сталинского тоталитаризма, тем более что последние годы НЭПа явились временем формирования сталинского режима, либо альтернативы сталинизму.

Научное исследование проблем НЭПа началось и в Советском Союзе, и на Западе примерно в одно и то же время – в середине 1950-х годов¹. Правда, развивалось оно в разных направлениях: советские историки пытались представить НЭП как очередную ступень в осуществлении гениального ленинского плана строительства социализма в СССР, в то время как западные ученые рассматривали НЭП либо как тактический маневр, предпринятый большевиками с целью сохранения в своих руках политической власти, либо как один из вариантов "третьего пути" экономического и политического развития.

---

¹ Генкина Э.Б. Переход советского государства к новой экономической политике. 1921-1922. М., 1954; Carr Е.Н. The Bolshevik Revolution, 1917-1923. 3 vols. L., 1951-1953; Idem. The Interregnum, 1923-1924. L., 1954; Dewar M. Labour Policy in the USSR, 1917-1928. L., 1956; Granick D. The Management of the Industrial Firm in the USSR. N.Y., 1954.

Однако настоящий расцвет исследований НЭПа в западной историографии приходится на период с конца 1960 – начала 1970-х годов до распада Советского Союза. Эти исследования проводились преимущественно в рамках историографического направления, в целом чаще всего обозначаемого как "социальная история". Поскольку "социальные историки" пытались осуществить тотальный пересмотр сложившихся на Западе традиционных точек зрения на советскую историю, их часто называют также "ревизионистами". Именно их усилиями, а также благодаря сравнительно небольшой группе британских и американских исследователей экономической истории России и СССР, в 1970 – 1980-е годы изучение НЭПа приобрело в западной историографии систематический характер; в эти годы вышли из печати десятки индивидуальных и коллективных трудов по всем основным проблемам НЭПа: ленинская концепция НЭПа, его сущность, социальные отношения и социальная активность населения, развитие частной и государственной экономики, культурная жизнь².

Новый всплеск интереса к НЭПу был вызван горбачевской "перестройкой", которая во многом внешне напоминала НЭП, и едва ли не впервые за многие десятилетия историки и их исследования, казалось, могли оказать практическую помощь в осуществлении реформ. Дополнительным стимулом к изучению НЭПа стало открытие советских архивов для западных историков и максимальное облегчение их научных контактов с советскими коллегами. Тем не менее в 1990 – 2000-е годы, к сожалению, продолжения этой тенденции не последовало, исследовательские приоритеты изменились и проблемы сталинизма, рассматриваемые в новом

---

² Cultural Revolution in Russia, 1928-1931. Bloomington, 1978; Fitzpatrick Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union. 1921-1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; Idem. Russian Revolution 1917-1932. Oxford: Oxford University Press, 1985; Lewin M. The Making of the Soviet System. L.: Methuen, 1985; Chase W. J. Workers, Society, and Soviet State: Labor and Life in Moscow, 1918-1929. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1987; Ward Ch. Russia's Cotton Workers and the New Economic Policy: Shop-floor Culture and State Policy, 1921-1929. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Bloomington, 1991; Siegelbaum L. H. Soviet State and Society between Revolutions, 1918-1929. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

свете и с применением новых подходов, а иногда и возрожденных старых, вновь вышли на первое место, оттеснив как социальную, так и, тем более, экономическую историю досталинской Советской России на периферию.

"Лингвистический поворот" в гуманитарных науках также, мягко говоря, не способствовал углубленному изучению НЭПа как в зарубежной, так и в российской историографии. Несмотря на то, что он вызвал всплеск исследований, посвященных истории культуры, особенно литературы, обыденной жизни, официального и обиходного языка в Советском Союзе 1920 – 1930-х годов, они мало что добавили к нашему знанию об эпохе НЭПа. Дело даже не в том, что большинство постмодернистских исследований бессодержательны и отличаются крайним релятивизмом, что, впрочем, облегчает авторам работу с историческими источниками и позволяет "выпекать" исторические, а точнее, псевдоисторические труды почти с той же скоростью, с какой Дж. Роулинг создает свои "шедевры" о Гарри Поттере, хотя и приносит гораздо меньше дохода. Проблема в том, что вся эта историческая "попса" эксплуатирует "модные" темы, пишется часто в форме свободного эссе или case study, что приводит к дроблению общего исследовательского "поля" на необозримое множество "грядок", которые авторы "окучивают", мало заботясь о том, что происходит вокруг.

Постмодернистские исследования крайне разнообразны, среди них есть и очень скучные, напичканные сложной терминологией, и в высшей степени увлекательные, в зависимости от индивидуальных способностей автора, но все эти различия относятся к форме изложения, по сути же они очень близки и вызывают один и тот же эффект, свойственный и бульварной литературе: "Прочитал – и забыл".

Я здесь отнюдь не выступаю с позиций строгого "объективизма" и догматизированного позитивизма с его противопоставлением объекта исследования субъекту и тезисом о "кумулятивности" научного знания, но тем не менее убежден в необходимости в той или иной форме системности научного познания, что, хорошо это или плохо, позволяет науке сохраняться и нормально функционировать, будь то науки естественные или гуманитарные, при всей специфичности последних.